

Колдовские

Миры

МАРИНА СУРЖЕВСКАЯ

Я тебя рисую

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С90

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрация на переплете *И. Кругловой*

Суржевская, Марина.

С90 Я тебя рисую / Марина Суржевская. — Москва :
Издательство «Э», 2016. — 448 с.

ISBN 978-5-699-90234-7

Я жила у зеленых холмов Идегоррии, где растут исполинские деревья и искрятся хрустальные водопады. Я рисовала этот мир, изменяя реальность, ведь я — созидающая. Я была счастлива. Но моя жизнь изменилась в тот день, когда я стала пленницей у чужеземного захватчика. У него белые волосы, огненные глаза и тело воина. Я знаю, кто он, — арманец, демон Ранххара. Тот, о ком говорят шепотом, чтобы не накликать беду. Он принес в мой мир смерть и кровь, разукрасил его красным и черным, стал тем, кому я поклялась отомстить. И... не смогла...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90234-7

© Суржевская М., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

— Эй, ты снова там уснула, энке?

— Не называй меня так, — привычно буркнула я. Впрочем, ни злости, ни обиды я не испытывала. Да и как их испытывать, если этот темноглазый паршивец обзывается все девятнадцать лет моей жизни? Сколько себя помню, братец очень любил меня позлить.

— И что за мазня на этот раз? — поинтересовался он, придиричиво окидывая взглядом холст. — Опять это??? Энке, сколько можно? Почему ты снова нарисовала это место?

Я пожалала плечами и облизала губы. На языке остался сладковатый привкус краски, значит, я снова не заметила, как взяла кисточку в рот. Глупая привычка, от которой с детства не могу избавиться.

Люк приложил ладонь козырьком ко лбу, всматриваясь в раскинувшееся перед нами озеро.

— Нет, ты объясни! — не унимался он. — Вот объясни! Перед тобой такая красота! Озеро чистейшее, водопад хрустальный, в воду сосны смотрятся, каждый камушек на дне видно, каждую рыбешку. Небо лазурное, облака словно взбитые сливки. Кра-со-та! А ты что нарисовала? Вот, что?

— Отстань, — буркнула я и прищурилась, рассматривая картину. Если я всегда была увлечена рисованием, то Люк с самого детства обожал слова. Он

играл с ними, словно на нить нанизывал, собирал в длинные изящные предложения, создавая из известных букв что-то поистине удивительное и новое.

Меня всегда восхищало это в брате. Впрочем, ему я об этом не говорила. Потому что, несмотря на свой талант, он все равно был редкостным засранцем.

— Энке! Ты где? Ау??

— Отвали! — рявкнула я, когда Люк попытался схватить меня за ухо и нарочито покричать в него, словно в рупор. — Пошел вон, придурок! И не называй меня энке!

— А кто же ты? — схохмил гаденыш. — Ты себя в зеркало видела? Энке и есть!

Я отпихнула его от себя и потянулась к тряпке вытереть руки. На мне предусмотрительно было надето короткое платье до колен и без рукавов. И, конечно, я снова вся была в краске. А если учесть, что мне опять захотелось нарисовать ту самую картину, то и краски в основном были темными: черно-синяя, немного темной охры и жженой умбры, вкрапления малахитовой зелени и самая малость кобальта. И очень много огня — красно-черного, жгучего, как перец, страшного, как смерть.

Люк демонстративно сплюнул, а я поморщилась.

— Веди себя прилично.

Он снова плюнул — смачно, с оттяжкой, и я, не удержавшись, стукнула Люка по вихрастой голове. Это я зря, конечно, потому что мерзавцу только этого и надо было. Скрутил меня за секунду, повалил на траву и сверху уселся. И давай меня в землю лицом тыкать.

— Проси прощения, презренная энке! — выкрикивал паршивец, а сам еще и ржал, как лошадь. Я извивалась ужом, пытаюсь сбросить его с себя, но ка-

кое там! Мой братец — даром, что старше всего на год, но уже на голову выше и гораздо крупнее меня. Собственно, он удерживал меня в таком положении, кажется, вообще без усилий.

— Убью! — вопила я, пока этот гаденыш хохотал. Почему-то с самого детства у Люка любимое развлечение — издеваться над младшей сестрой.

— Проси прощения! — гоготал он.

— Слезь с меня! Придурок!

Он снова ткнул меня лицом в землю.

— Энке! Проси прощения!

— Я тебя в озере утоплю! Задушу... ночью... Вот только...

— Только что, энке? — издевался Люк. — Только личико умоешь?

Не знаю, каким чудом мне все-таки удалось вывернуться. А вернее, не чудом, просто братцу надоело меня держать, вот и ослабил захват. Я перевернулась а потом резко ударила зазевавшегося Люка босой пяткой в голень.

— ...ты! — резко выдохнув, ругнулся он.

— Все Таре расскажу! — пригрозила я, но от греха подальше отскочила от разъяренного братишки.

— Убью! — заорал он.

Я завопила и кинулась вниз по склону. Мягкая трава приятно щекотала ноги, и нестись по ней было одно удовольствие. Люк вопил на пригорке, но уже беззлобно, и, кажется, бежать за мной не собирался. Это правильно, потому что не зря меня прозвали «крылатой». Догнать меня было не так-то просто.

— А я твою мазню сейчас в озеро скину! — припугнул братец. — Ева! Иди сюда немедленно!

Я хмыкнула. Ага, уже и имя мое вспомнил. Не энке, значит. Ну-ну.

Несмотря на угрозы, я знала, что Люк никогда не покусится на мои рисунки. Как бы мы ни злились друг друга, но разрушить что-то из созданного нами было немислимо. Никогда, ни при каких условиях я не тронула бы его рукописи, так же как и он — мои холсты. В общем, на этот счет я была спокойна. К тому же убежала я уже довольно далеко и побрела под сенью леса, легко ступая по чуть влажному мху. Чуть глубже зайди, и набредешь на заросли дикой малины, сладкой, душистой. К ней я и отправилась, решив подкрепиться, пока брат успокоится. Люк не злопамятный и долго злиться не умеет. Так что через полчаса, когда вернусь, он наверняка уже будет валяться на травке, жевать соломинку и глазеть в облака, сочиняя какой-нибудь сонет.

Ягоды наполнили рот сочной, ароматной мякотью, и я зажмурилась от удовольствия. Присела возле куста, набирая полные ладошки малины и раздумывая, стоит ли принести немного противному брату. Но потом вспомнила, как он возил меня лицом по траве, ухмыльнувшись и отправила всю сладость в рот. И чуть не застонала от блаженства. И хмыкнула. Главное — отмыться теперь. А то мало того, что я в красках, так еще в соке травы, кусках земли, а теперь вот и в красных ягодных разводах. Если Тара увидит меня в подобном виде, ее удар хватит.

Я захихикала, представив себе эту картину, и потихоньку пошла к озеру, доедая ягоды. Влажный мох чуть пружинил под ногами, тихо шелестела листва, пели птицы... Птицы? Я прислушалась и нахмурилась. Странно, но ни одной птичьей трели слышно не было. И это в лесу, в полдень, в ясный и погожий день? Может, гроза будет?

Раздумывая над странным поведением пичуг, я остановилась, закинула голову. Свистеть меня научил братец еще лет в шесть. Мы прятались за конюшней и там свистели до тех пор, пока не начинали ныть щеки. Или пока не приходил разозленный конюх и не прогонял нас. Но тогда мы попросту перемещались на задний двор, за пристройки для прислуги.

И сейчас я легко свистнула, подражая песне малиновки. Прислушалась, но в ответ не раздалось ни звука.

Внезапно стало не по себе. Показалось, что кто-то стоит в зарослях, наблюдая за мной. Зверь. Хищник. Тот, кого учуяли птицы и замолчали, опасаясь привлечь к себе внимание чудовища.

Я передернула плечами и взглянула на пригорок. Он просматривался отсюда сквозь заросли ольхи и лиственницы, а там был Люк, свет, безопасность... совсем близко. И чего я испугалась, глупая?

Вздыхнув, я пошла в сторону озера, стараясь не бежать и не желая признаваться себе, что струсилa. Но возле воды мой странный и необоснованный страх показался мне глупостью. Здесь, в тихой заводи, было столь мирно и безмятежно, что все опасения мгновенно вылетели у меня из головы. Еще раз оглянувшись на притихший лес, я пожалa плечами и стянула платье. Я не боялась, что меня увидят. Здесь просто не могло быть посторонних.

Тронула ногой воду и улыбнулась. Нагретая на солнце, она ласково коснулась моей кожи, словно поцеловала. И с радостной предвкушающей улыбкой я пошла в водоем, с каждым шагом погружаясь все глубже. Знакомое с детства озеро мягко приняло меня в свои объятия, словно поглаживая набегающей

мягкой волной. Я нырнула, открыв глаза в глубине, проплыла мимо затонувшего в прошлом году ствола сосны и выплыла почти у водопада, откидывая назад волосы. И, охнув, хотела заорать, но мне этого не позволили, прижав к крепкому телу и закрыв рот ладонью.

— Тихо, — мужской голос прозвучал выше моей головы, и я замерла. Но не от того, что послушалась. А от того, что онемела от ужаса. Голос был не просто незнакомый. Чужак был нездешний. В его голосе мягко перекатывались пурпурный амарант и цвет серого железа. Он был чуть хриплый, словно жженный кофе, и жуткий, как бесконечный черный.

— Тихо... — теперь он наклонил голову так, что моей щеки коснулись чужие губы. И оставили на ней влажный след.

Я дернулась в панике, осознав, что этот мужчина с жутким голосом меня... лизнул?

— Сладкая... — хрипло сказал он, продолжая прижимать меня к себе. И тут я осознала еще одну пугающую деталь. Нет, не пугающую. Шокирующую. Настолько, что если бы он не закрывал мне рот, я уже визжала бы на весь лес. Да какое там! Мой дикий вопль наверняка разбудил бы и батюшку в его покоех!

Потому что прижимающееся сзади тело было... обнаженным. Всей своей кожей, каждым ее кусочком я ощутила это тело: твердое, словно камень, горячее, и... у-у-у.... мне захотелось взвыть. Мужчина однозначно был возбужден.

Все-таки я выросла с братом, и о некоторых отличиях между телами мужчин и женщин узнала давным-давно. И сейчас в мою поясницу упиралось как

раз это самое отличие. Да так, что угрожало меня проткнуть, словно вертел жареную куропатку!

— Сладкая, яркая энке... Красивая... — медленно и чуть слышно протянул он, и мужская ладонь легла на мои бедра, поглаживая их. Я вздрогнула.

Темный дух меня забери! Да он что же, принял меня за дикую лесную энке? Нет, ну брату я еще могу позволить такую наглость, но постороннему?! Злость придала сил, и, вспомнив наши потасовки, я резко двинула локтем мужчине под ребра, одновременно выворачиваясь из захвата и уходя в воду. Нырнула, набрав воздуха, рванула в сторону, под водопад, зная, что за стеной воды есть подземный грот. Но чужак в жизни его не найдет! Глаза привычно открыла, осмотрелась не останавливаясь. В глубине — лишь покачивающиеся водоросли, и никаких признаков незнакомца. Я снова сделала сильный гребок, уходя еще ниже, к самому дну, туда, где козырьком нависали стены грота. Лаз был узкий, маленький, даже Люк туда не мог пройти. Сердце колотилось как сумасшедшее, сжигая воздух, перед глазами уже мелькали пятна оранжевого цвета...

Я коснулась рукой скалы. И в то же мгновение чужая ладонь прикоснулась к моей спине. Паника взорвалась внутри мешаниной красок, я обернулась настолько резко, насколько это вообще возможно в толще воды. Мои длинные волосы на миг закрыли обзор, но когда прядки освободили лицо... От подступившего к горлу страха, кажется, сгорел весь воздух в моем теле. Потому что на меня смотрел арманец. Это был он, точно он, хотя я никогда не видела живого арманца. Но эта внешность знакома каждому ребенку в королевстве. Мощное сильное

тело с гладкой кожей. Совершенно белые длинные волосы. Желтые звериные глаза. Тара говорила, что огонь их сущности выжигает почти все краски с тел арманцев. И, будучи ребенком, я всегда недоумевала, как такое может быть...

И сейчас один из них, один из проклятого племени белых демонов, спокойно смотрел на меня сквозь толщу воды. Более того, он улыбался, приближаясь. Кажется, его забавляла эта игра... Я оторвала взгляд от лица, вокруг которого плавали белесые пряди, и мельком глянула на тело арманца. О, духи земли и неба! Да он же просто огромный! Даже верзила Хлыст — и тот не такой мощный! Конечно, в воде все предметы кажутся больше, но сдается мне, что и на суше это чудовище окажется не намного меньше!

Понимание вывело меня из ступора, я рванула в сторону, уцепилась за скалу и ударила его пятками в живот. Сразу обеими и сильно, как только смогла. А стоило арманцу на миг отклониться — скользнула в лаз, отчаянно страшась, что не успею, что он выдернет меня за ногу, схватит. Воздух закончился, отчего в груди жгло огнем. И, почти теряя сознание, я вынырнула в подземной пещере, жадно дыша и откидываясь на спину. Но отдыхать не стала. Хоть и знала, что лаз маленький и узкий, но все же было не по себе. О способностях арманцев ходили легенды, вдруг он действительно может обернуться змеей и пролезть за мной следом?

Сама не своя от ужаса, я доплыла до кромки воды и вылезла, стуча зубами. И только тут подумала, как я без одежды выйду из пещеры. Но даже это уже не казалось мне таким страшным, как оставшийся в озере демон.

И следом пришла еще одна мысль. Арманец. Во владениях короля. Совершенно спокойно купается в Озере Жизни, заповедном и недоступном для всех, кроме королевской семьи.

Это... вторжение?

Дрожь колотила меня все сильнее, и я уже не знала, от чего — от холода или сдавливающей горло паники.

* * *

К счастью, я довольно часто бывала в этом гроте и пещерах, любила слушать здесь тишину и смотреть на подземное озеро. Иногда — рисовать. И потому, зная свою способность перепачкать все, что только возможно, всегда держала тут запасное платье, чтобы Тара не слишком ругалась, когда я снова появлюсь дома, как чумазая проходимка.

И сейчас я натянула простое серое одеяние — то-ропливо, не попадая в рукава. Дрожащими руками застегнула многочисленные пуговички. Вода с волос капала на ресницы, и я раздраженно откидывала мокрые пряди, ткань липла к телу, не желая расправляться, а петельки путались. Плонув, я застегнула их через одну и выскочила из пещеры.

Через холм я неслась как сумасшедшая, уже у подножия пригорка истошно завопив:

— Люк!!! Люк! Скорее!

Голова брата показалась над зарослями, и он сделал мне страшные глаза, пытаясь что-то сказать, но я не обратила внимания.

— Люк! Арманцы...

— Антарея Евантреида! — громогласно и, как всегда высокопарно, протянул женский голос, и я при-

вычно вздрогнула. Все-таки наша наставница порой казалась мне страшнее всех белых демонов на земле. Люк скривился и закатил глаза, пользуясь тем, что стоит перед Тарой так, что она не может видеть его лицо. Но наставница, похоже, обладала сверхъестественным зрением. Или просто хорошо нас с братцем знала. Как бы там ни было, она отвесила Люку подзатыльник, и он сконфузился, не смея возразить. Порой меня очень веселило, что крупный двадцатилетний братец теряется перед сухонькой, неестественно прямой Тарой, едва достающей ему до плеча.

Впрочем, один лишь авторитет нашей суровой наставницы возвышал ее до невообразимых высот. Она окинула меня возмущенным взглядом:

— Ангарея Евантреида, — Тара приподняла бровь, что выдавало высшую степень ее негодования. — В каком вы виде, юная виа? Что за дикое своеволие? Вы похожи на лесную энке!

Я чуть не завопила. Да я всегда на нее похожа! И что с того?

— Демоны! — выпалила я. — Белые демоны! Я видела одного в... — Я запнулась. Все-таки рассказывать, при каких именно обстоятельствах я видела арманца, не стоило. — Возле озера! Я видела его возле озера!

— Ты уверена? — Тара быстро осмотрела меня.

— Да!

И, видимо, что-то в моем взгляде все же заставило наставницу поверить, что мне не почудилось и что я не витаю в своих воображаемых картинах.

— Быстро во дворец, — резко приказала она, обшаривая прищуренным взглядом кромку леса и безмятежное озеро. — Живо!

Люк хотел было возразить, но один взгляд на Тару убедил его этого не делать. Впрочем, и сама наставница не собиралась оставаться на холме и, развернувшись, пошла в сторону здания.

— Люкреций, Антарей, не отставайте!

Мы слаженно скривились от упоминания наших полных имен, схватили мои краски и холст и бросились вслед за Тарой. Лишь на миг задержавшись, я окинула взглядом пейзаж. Но ничего пугающего или настораживающего не заметила. И птицы снова пели...

* * *

По тревоге были подняты крылатые стражи, а нам с Люком запретили покидать пределы дворца. Целую неделю. Так что мы уже изнывали от скуки! Но послушаться батюшку, конечно, не посмели. К тому же если брат и сомневался в том, что мне не привиделось, то я-то была твердо уверена! Арманец точно был, живой, а не воображаемый, как уверял меня и окружающих Люк. Я слишком хорошо помнила его мокрое тело и руку, прижимающую меня, не дающую двигаться. И лицо в воде, и длинные белые волосы, плывущие за ним. И глаза. Эти глаза снились мне, и я просыпалась с воплем ужаса, так что Кармели, моя кормилица, всерьез за меня переживала и оставалась ночевать в моей спальне. И это при том, что я уже давно взрослая! Но, побухтев для вида, я вздыхала с облегчением, зная, что кормилица рядом.

Стражи никого не нашли. Я была благодарна отцу за то, что он не усомнился в моих словах и ни разу не позволил себе посмотреть с недоверием, как Люк,